Иконникова М.М., Маслов А.В.

К вопросу о процессуальных полномочиях защитника и их реализации в судебных стадиях уголовного судопроизводства

doi: 10.18411/lj-03-2021-220

idsp: ljjournal-03-2021-220

Аннотация

В статье рассматривается проблема практической реализации прав защитника в соответствии с положениями уголовно-процессуального кодекса. Автор, классифицируя полномочия защитника, а также проводя анализ их реализации, приходит к выводу, о несовершенстве законодательной модели реализации защитником прав, предусмотренной ст. 53 УПК РФ, а также, о потребности в ее дополнении.

Ключевые слова: адвокат, уголовный процесс, защитник, процессуальный статус, доверитель, представитель, состязательность.

Abstract

The article deals with the problem of the practical implementation of the powers of a defense lawyer in accordance with the provisions of the Criminal Procedure Code. The author, classifying the rights of the defender, as well as analyzing their implementation, comes to the conclusion that the legislative model for the implementation by the defender of the rights provided for by Art. 53 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the need for its addition.

Keywords: lawyer, criminal trial, lawyer, procedural status, trustee, representative, adversarial.

Неоспорим тот факт, что защитник является процессуальной фигурой, наличие которой обусловлено необходимостью оказания квалифицированной юридической помощи подозреваемому (обвиняемому). Данное утверждение является бесспорным, на наш взгляд, не только в силу прямого указания на назначение деятельности защитника, данное в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, но и в силу легального определения временных рамок реализации его полномочий. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник допускается в уголовный процесс при предъявлении удостоверения адвоката и ордера с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, либо придания лицу статуса подозреваемого путем возбуждения в отношении него уголовного дела, фактического задержания по подозрению в совершении преступления, применения меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения, уведомления о подозрении, объявления лицу подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления либо лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении на этапе возбуждения уголовного дела. Заметим, что в специальной литературе, на наш взгляд, совершенно справедливо указывается на тот факт, что помимо традиционных гарантий защиты прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (например, наличие права на свидание с адвокатом с целью дачи согласия на его участие в уголовном деле, или невозможность реализации функции защиты одним и тем же лицом в отношении двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого, а также невозможность отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого), законодатель значительно расширяет возможности правозащитного механизма путем предоставления права на оказание юридической помощи лицу, не наделенному статусом подозреваемого, но потенциально являющемуся

таковым, поскольку в отношении него проводится проверка сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела [1].

Полномочия защитника закрепляются в ст. 53 УПК РФ и, следуя непосредственному предмету нашего исследования, отметим, что часть из них реализуется исключительно в досудебном производстве, другая часть – в судебных стадиях, либо полномочие является универсальным и не ограниченным конкретным этапом судопроизводства. Так, например, право на свидание с подозреваемым (обвиняемым) без ограничения их количества и продолжительности, право присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, право знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств могут быть реализованы исключительно в досудебном производстве. Право на участие в судебном разбирательстве уголовного дела – соответственно в судебных стадиях уголовного процесса. К числу же универсальных прав мы полагаем, можно отнести право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, право привлекать специалиста, право заявлять ходатайства и отводы, а также право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лица, ведущего производство по уголовному делу, и участвовать в их рассмотрении судом.

Так, например, в соответствии с положениями ст. 234 УПК РФ, защитник участвует в судебном заседании в ходе предварительного слушания уголовного дела, где вправе заявить ходатайства как об исключении доказательств, так и об истребовании дополнительных доказательств или предметов, которое подлежит удовлетворению, если данные доказательства и предметы имеют значение для уголовного дела (ч. 7). Являясь обязательным участником судебного разбирательства, защитник наделяется комплексом прав, обеспечивающих реализацию возложенной на него законодателем функции, а именно: участвовать в исследовании доказательств в ходе судебного следствия, заявлять ходатайства, излагать суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, о мере наказания, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства (ст. 248 УПК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ защитник наделяется правом инициировать апелляционное производство путем подачи жалобы на не вступивший в законную силу приговор или иное судебное решение, а также поддерживать заявленное в жалобе ходатайство в судебном заседании (ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ), в том числе путем участия в доказывании, выступать в судебных прениях (ст. 389.14 УПК РФ).

Наиболее обсуждаемым с точки зрения возможности практической реализации является право защитника на участие в доказывании, которое, как уже было отмечено, отнесено нами к числу универсальных, реализуемых на любом этапе производства по уголовному делу. Как следует из положений ч. 3 ст. 86 УПК РФ, названное право реализуется путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. В науке уголовного процесса на протяжении длительного времени высказываются прямо противоположные суждения относительно

законодательной модели участия защитника в доказывании. Так, часть специалистов полагает, что при наличии исчерпывающего перечня источников доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) субъектами, уполномоченными собирать таковые, могут выступать только должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, которые проводят следственные и судебные действия, а также процессуально приобщают предметы и документы к материалам уголовного дела в качестве доказательств [2]. Таким образом, использование термина «собираание доказательств» применительно к защитнику является весьма условным и формально подчеркивающим состязательное начало современного уголовного судопроизводства. Сторонники приведенной позиции высказывают и крайние взгляды, отмечая, что защитник вообще не может быть отнесен к субъектам собирания доказательств по обозначенным выше причинам [3]. Иная точка зрения основывается на толковании положений ч. 3 ст. 86 и ч. 2 ст. 74 УПК РФ в совокупности, на основании чего делается вывод о наличии у защитника возможности процессуально закреплять полученную информацию, а, соответственно, он является равноправным субъектом собирания доказательств наряду с должностными лицами органов уголовной юстиции [4].

Мы полагаем, что наиболее соответствующей общему смыслу положений доказательственного права в их совокупности является первая из представленных точек зрения, поскольку способы собирания доказательств защитником, перечисленные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ не обеспечивают соответствующим сведениям свойства допустимости, т.к. не являются источниками доказательств, перечисленными в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Следовательно, между получением сведений, имеющих значение для уголовного дела с точки зрения реализации функции защиты, и их интеграцией в процесс доказывания имеется промежуточный этап процессуального оформления, которое осуществляется должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу. Однако, следует отметить, что дискреционное усмотрение дознавателя, следователя, суда в данном случае ограничено положениями ч. 2.1, 2.2 ст. 159 УПК РФ, которые создают дополнительные гарантии реализации защитником своих прав, поскольку содержат императивные правила о невозможности отказа защитнику в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, а также в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых защитник ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Эмпирический анализ показал, что наиболее частыми нарушениями прав стороны защиты в сфере доказывания являются отказ в приобщении предметов и документов в качестве вещественных доказательств [5], либо нарушение процессуального порядка такового [6], а также отказ в удовлетворении ходатайств стороны защиты о производстве следственных действий (например, осмотра предметов и документов [7], а также назначения и производства экспертизы [8]).

И, наконец, в соответствии с предложенной выше классификацией прав защитника, к числу универсальных относится право привлекать специалиста, реализация которого вызывает некоторые трудности в адвокатской практике. Полагаем, что и в данном случае можно вести речь о несовершенстве законодательной модели реализации защитником права, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Не вдаваясь в дискуссию относительно форм использования специальных знаний в уголовном процессе, отметим лишь следующее. Изменения и дополнения, внесенные в уголовно-процессуальный закон в 2017 году [9], существенно изменили статус специалиста, поскольку специалист не только наделен правом производства исследований, результаты которых оформляются заключением (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), правовая природа которого достаточно спорна, но и установлено, что стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о его привлечении к участию в

производстве по уголовному делу для разъяснения вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста. Вместе с тем, остается ряд дискуссионных моментов, связанных как со статусом специалиста, так и с процессуальной формой даваемого им заключения. В частности, специалист, в отличие от эксперта, перед дачей заключения исследование не проводит и не несет ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения, что предполагает консультационный характер названного документа. Кроме того, специалист не вводится в уголовный процесс особым постановлением, а положения ч. 2 ст. 58 УПК РФ о том, что вызов специалиста и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях и судебных заседаниях осуществляются по правилам, предусмотренным ст.ст. 168, 270 УПК РФ, позволяет утверждать, что до момента осуществления соответствующих действий дознавателем, следователем, судом, заключение специалиста, полученной защитником, также является непроцессуальной информацией, суждением сведущего лица по поставленным перед ним вопросам. В этой связи представляется справедливым суждение, высказанное Т.Г. Дабижа о том, что заключение специалиста, привлеченного защитником, не имеет самостоятельного доказательственного значения, «но при этом оно является основанием для назначения и производства экспертизы, а также основанием для получения показаний специалиста» [10].

Завершая краткий анализ особенностей реализации прав защитника, позволим себе вернуться к законодательной модели их регламентации, предусмотренной ст. 53 УПК РФ. Думается, что право на участие в судебном производстве, в самом общем виде сформулированное в п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, нуждается в дополнении, отражающем содержание деятельности адвоката-защитника не только в заседании суде первой и апелляционной инстанций, но и на предварительном слушании уголовного дела. В этой связи предлагаем изложить анализируемую норму УПК РФ в следующей редакции: «9) участвовать на предварительном слушании уголовного дела, в судебном разбирательстве в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, в порядке, предусмотренном ст. 248 настоящего Кодекса, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора».

1. Ендольцева А.В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 25.
2. Проблемы развития процессуального права России: Монография / под ред. В.М. Жуйкова. М.: Норма, 2016. С. 71.
3. Зайцев О.А. Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств // Вестник Самарского госуниверситета. 2014. № 11/1 (122). С. 29-35.
4. Камышин В.А. Защитник как субъект собирания доказательств: желаемое и действительное // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 3. С. 64; Карякин Е. А. Специфика уголовно-процессуального познания // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 32.
5. Приговор Лискинского районного суда Воронежской области // <https://rospravosudie.com/court-liskinskij-rajonnyj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-102982876/> (Дата обращения: 26.06.2020 г.).
6. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по уголовному делу № 22-859/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/XRGAg8cIxRZX/?regular-txt> (Дата обращения: 26.06.2020 г.).
7. Приговор Старорусского районного суд Новгородской области по уголовному делу № 1-154/2017 // <https://sudact.ru/regular/doc/VkNuGx0WBMd1/?regular-txt> (Дата обращения: 26.06.2020 г.).
8. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда // <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663424/> (Дата обращения: 26.06.2020 г.).
9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.
10. Дабижа Т.Г. Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 132.